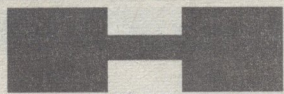

Сегодня. - 1993 - 12 мая, - с. 13

Памяти воспоминаний: гнилье отлива

Е. Я. Данько. Воспоминания о Федоре Сологубе. Публикация М. М. Павловой (Лица. Биографический альманах. М.-СПб., Феникс)

Павел Крючков

Ночь не бывает крошечной. Абсолютную темноту создают люди. В этой искусственно созданной темноте, заткнув половником щель под дверью клозета, некий автор, не выдержав бессонницы, пробует закурить. Он хочет проверить — действительно ли курение в таких условиях не доставляет удовлетворения. Действительно. Он чувствует себя воплощением атрофии: рваные мысли и воспоминания — плоды ночного бреда — задерживает сложенный вдвое поролоновый коврик. Автор пугается. Но — чудо! Серый отсвет, легший на кафель по манию ноги, — снимает напряжение. Занывшие рогащцы готовы к работе, им надо совсем немного.

Лучше не вспоминать. А вспоминая — не экспериментировать, не дразнить Время. Ибо оно не хранит тайн, а лишь оттягивает сроки выдачи. Когда-то Елена Данько отказалась участвовать в сборнике памяти Сологуба, но, разомкнув пространство, передала свою тетрадку в руки редкого — как она пишет — по хранению тайн человека. И если даже тот не пустил рукопись по круту — этого было достаточно, хронометр заработал. Шестьдесят пять лет выдержки — отменная крепость, тем более, что на всякие воспоминания найдется свой публикатор. Но знает ли наш вичерпный, угостивший весь читательский актив, что хлопок вылетевшей из горлышка пробки подобен отмашке стартового судьи: жизнь рукописи мгновенно делится на до и после? И нет нужды козырять оборотами типа «мистические откровения» и тому подобным бредом. Все произойдет само. Только что — я не знаю.

«Сколько раз мне хотелось раздавить эту гадину, в порыве отворачивания и инстинкта самосохранения, который отталкивает нас от всего уродливого, болезненного и гнилого, заставляет зажимать нос, когда слышишь вонь. На таком ответе успокоиться нельзя, — это не ответ, это никак не исчерпывает большую личность Федора Кузьмича, это

Закончив, Белый осклабился улыбкой, столь же восторженной и неискренней, как была его речь, и принялся изо всех сил жать Сологубу руку. Сологуб гадливо сморщился и произнес с расстановкой, сквозь зубы:

— Вы делаете мне больно. Владислав Ходасевич, «Некрополь»

— моя собственная, инстинктивная реакция, а не настоящее понимание, которое всегда несет с собой оправдание...»

Это заметки не о Сологубе и уж тем более — не о «последнем увлечении поэта», отчаянно взявшем в руки перо. С тем же успехом можно рассуждать о рукописи Вероники Полонской, опубликованной без купюр три года назад. Но там история другая, там в предисловии вспоминающей нет фразы «это — не для печати». Хотя Полонская меньше всего, вероятно, задумывалась о будущем макете своей книги.

Останется ли свободный человек таковым после прочтения сей публикации? «Обогатится» ли образ героя? Что и куда прибавится? Талант рассказчицы, заставляющей поверить в то, что рукопись создавалась пять минут назад и еще пачкает пальцы — лишь дополнительный раздражитель. Читать ее на ночь — все равно что нагонять дрему сочинениями г-на Мамлеева. Хотя его куротрупы и шатуны кажутся купидонами в сравнении с бытовым пароксизмом Федора Кузьмича, с его старческой тростью, которую он помогал себе в попытке увидеть любимую учени-

цу, принимающую у окна своей комнаты солнечные ванны. С заклинившейся дверью. С его непрерывно кипящей желчью. «Федор Кузьмич был страшен, жилы опять налились на лбу, глаза мутные, губа отвисла, руки шарили вокруг судорожно... Я хотела уйти, но он сказал: „Подождите, я расскажу вам, как две женщины ссорятся. Дерутся, дерутся — ах, ты такая-сякая — и разорвут друг друга на две половинки вдоль, потом бросятся на диван и срastутся не теми половинками. Давай опять драться, опять друг друга разорвут и так далее“. Я думала, что он бредит, и пошла к двери. Он задыхался, слова вылетали с шипением. „Что ж, уходите?“ — спросил он с насмешкой, которую я не поняла. Глаза его пытливы и вполне сознательно смотрели на меня, я поняла, что он старается уловить силу произведенного впечатления на меня».

В случае с этой публикацией произошел уже описанный другим поэтом сюжет: человек вышел подышать океанской свежестью и обманулся; пятое чувство сработало лишь на обнажившиеся после отлива водоросли. Впрочем, столешница, дерн или дно моря — более истинны, чем абстрактные пыль, снег или волны, их покрывающие.

Воспоминания Данько не имели прав на общее пользование. Но теперь уже ничего не исправить, и чье-то желание «не читать» — тоже глупо. В архивной ячейке с замысловатым шифром лежат другие бумаги. Но в публикаторе ли дело? Может, все гораздо серьезнее, ибо время, «столкнувшись с памятью», — как сказал поэт, — «узнает о своем бесправии». Читателю все равно ничего не достанется: только пыганка на черной пачке фильтрованного «Житана», купленного на случай терзающей мозг бессонницы. Запах дыма и страх тавтологии.

Р. С. «Я собралась уходить, тогда он подошел и в волнении ударил меня изо всех сил по руке под локтем. Я взвизгнула, как полагается, и, сказав, что, когда гости засиживаются, — хозяйева сначала ругаются, а потом и дерутся, — спешно удрала на улицу. С радостью дышала свежим воздухом, пока шла домой...» Пока шла.